

Андрей Малахов любит приглашать ее на ток-шоу «Пусть говорят»

ЧУГУННЫЕ МОПСЫ ДАРЬИ ДОНЦОВОЙ

К НЕЙ МОЖНО относиться как угодно — ее детективы далеко не всем нравятся. Я, кстати говоря, тоже не являюсь их поклонницей. Но в том, что это очень интересный и самобытный человек, думаю, никто не сомневается.

Она очень искренна и не боится высказать правду в лицо — в рамках приличия, разумеется. Именно поэтому Андрей Малахов обожает приглашать Дарью Донцову к себе на ток-шоу «Пусть говорят» — она там, пожалуй, самая частая гостья. И именно Андрею Малахову Дарья доверила вести свой день рождения в одном из самых пафосных клубов столицы. Не спрашивайте, как, но там побывала и ваша покорная слуга.

Народу — человек пятьсот, не меньше: представители различных СМИ, книгоиздатели и коллеги, известные личности. За отдельным столиком восседал Станислав Садацкий с Еленой Кондулайнен — забегая вперед, скажу, что потому, «разгоряченный горячительным», он залез на сцену и пропел что-то жутко страстное в адрес юбилярши — она от души хохотала. Были тут и Татьяна Устинова, и Оксана Робски, и Мария Арбатова, и Алла Довлатова — словом, весь цвет столицы, особенно, если учесть, что и на сцене, помимо Малахова, блистали звезды. Фуршет для гостей щедрый, но не паказ — черная икра и омары, а оригинальный: канapé, шашлычки... Спиртное тоже подавали как угощение.

А еще Дарья просто помещана на мопсах — над ней уже подшучивают по этому поводу, но она воспринимает все это достаточно легко: да, вот такая я. Поэтому подарки на именинах были соответствующими: родное издательство «Эксмо», к примеру, подарило чугунную скамейку, украшенную чугунными же мопсами — и как только вытащили такую тяжесть на сцену?..

Почему скамейку? Потому что у Дарьи великолепный огромный загородный дом — не мечта всей жизни, потому как на заре карьеры мечтать о таком не приходилось, но она счастлива жить в нем со своим мужем и принимать уже взрослых детей — двоих сыновей (одного из них она назвала своим сыном, поскольку это ребенок ее мужа от предыдущего брака) и дочку. Стоит ли говорить, что называется дом «Мопс-хаус». И вообще, в ее жизни все происходило, мягко говоря, не по сценарию — от появления сына до писательского таланта, принесшего ей богатство. Нет, впрочем, писательский талант был, что называется, от природы: Дарья — дочь известного советского писателя Аркадия Васильева. А потом, уже после его смерти, полжизни отпахала журналистом.

Огромной популярностью у журналистов пользовалась история о том, как вся ее жизнь была предсказана гадалкой в какой-то экзотической стране, куда Дарья Донцова (точнее, тогда еще Агриппина Васильева — это ее настоящее имя) поехала работать. И то, что родит два раза, а детей будет трое, и страшный диагноз, и богатство из правой руки — все сбылось в точности. Впрочем, с таким темпераментом — и чтобы не сбылось? Быть того не может!

Второй раз мы встретились через несколько месяцев... в ее машине: так уж получилось, что, в силу круглосуточной занятости и при этом невыносимой обязательности, она дает интервью где попало — мне вот, к примеру, по дороге от собственного офиса до телецентра, где ее уже ждал какой-то очередной телеканал на какую-то очередную съемку. Ест, судя по всему, она тоже так: в ее руке, залезая в машину, я увидела огромное зеленое яблоко — она даже пару раз откусила его, пока мы ехали.

Сразу скажу: издали (не говорю уж о телеэкране!) она смотрится гораздо крупнее, чем на самом деле. А на самом деле она очень маленькая и хрупкая — как говорится, на лице одни глаза. Очень яркие и... простите за банальность — умные. И очень молодые, кстати.

Вы уж простите, но я даже не знаю, как к вам обращаться, — начинаю свою беседу, залезая в джип «БМВ», водитель которого тут же трогается с места. **Настоящее имя — Агриппина Аркадьевна, вся страна вас знает как Дарью Донцову...**

— (Смеется). Обычно журналисты называют меня Дарьей, а недавно стали добавлять к этому отчество — Аркадьевна. Вот такой псевдонимоминимной гибрид получился.

— Да ведь вы и по жизни симбиоз правды и вымысла — на страницах газет, во всяком случае, о вас ну о-о-очень противоречивая информация.

— Поэтому свою автобиографию я начинаю словами: «Я побаиваюсь журналистов». И мой рак груди — это всего-навсего пиар-ход, и мужей у меня больше десятка... Ой, всего даже не перечислишь.

— Ну, как-то вы доказали, сняв одежду и продемонстрировав протез на каком-то ток-шоу — кстати, потрясающая смелость. А я еще слышала, что Дарья Донцова — это несколько человек, пишущих детективы, а вся слава достается вам.

— (Смеется). А с этим мне и вовсе проходу не давали. Хотите доказательств? (Она ловко нырнула куда-то под сиденье, достала черный полиэтиленовый пакет, вынула из него увесистую папку исписанных от руки листов — Прим. авт.). Вот — это рукопись моего будущего романа. Как видите, я не только интервью в дороге даю, но и романы пишу. Все от руки, почерк один — у меня же сустав на пальце «сдох» от постоянного письма!

— И тем не менее, коллеги говорят, что вы любите журналистов.

— Я уважительно отношусь к их труду, потому что сама работала корреспондентом. И при встрече стараюсь угостить их чем-нибудь, чаем напоить, потому что знаю, что такое несколько интервью под ряд без перерыва на обед.

— И еще о журналистах: самая врущей прессой считается желтая, из которой самая-самая — газета «Жизнь». Однако именно в ней вы появляетесь очень часто — то с диетами, то с другими советами... Что это — ход на опережение?

— Нет, это еще одна моя обязанность — общаться напрямую со своими читателями. Потому что я отдаю себе отчет в том, что моя аудитория — небогатые люди, которым не по карману, скажем, золотой переплет. Поэтому издательство делает недорогую, но, по моему мнению, очень милую обложку. Моя аудитория не может позволить себе выходы в свет, поэтому она читает газету «Жизнь», в которой много говорится о звездах. У нас одна целевая аудитория.

— Когда-то вы тоже были на их финансовом уровне, а теперь можете позволить себе роскошный автомобиль с водителем, собственный пресс-атташе и загородный дом. Материальные блага не расслабляют творческого настроения? Художник не должен быть голодным?

— (Не задумываясь, очень твердо). Нет. Голод — это опасное чувство, вытраивающее из человека все достойное. Голодный человек очень озлоблен, он способен на любое преступление, а главное, деградирует духовно прямо пропорционально тому, насколько он голоден — я имею в виду голод в широком смысле. Это очень унижительно — быть голодным.

— У газеты «Жизнь» самый большой в стране тираж, следовательно, у нас много голодных людей. Кто виноват?

— (Задумывается). Знаете,

можно и нужно, конечно, говорить о социальной политике государства, о стабильности в обществе, что ведет к росту благосостояния его представителей... Но мне кажется, что все зависит от нас самих — особенно в нашей стране. Потому что... Всегда можно найти, как честно заработать — я не имею в виду, конечно, олигархических доходов, но на кусочек масла к данному государством кусочку хлеба — это уж точно. Тем более, в таких крупных городах, как Москва, Питер, областные центры — тут работы невпророт. Да и в маленьких городках и деревушках можно найти источник дохода: кто-то умеет вязать, шить, вкусно готовить — ну так берите заказы. Есть свободное время — проводите его с чужими детьми, чтобы ваши собственные не голодали.

— В вашей автобиографии прочла, как в одной программе нашего писательского гуру Василия Аксенова спросили, что он думает о вас. И вы сжалились в комочек, боясь услышать ответ. Как может сомневаться в своих силах столь востребованный автор, как вы?

— Просто есть два лагеря писателей: мы, писатели-беллетристы, и так называемые писатели первого лагеря. И вот мне, к примеру, не придет в голову как-то оскорблять или обвинять в бесталанности тех же Татьяну Устинову, Александру Маринину — это профессиональная этика. А писатели другого лагеря только и ждут момента, как бы побольнее пхнуть, ушипнуть нас. Я в чем-то понимаю их: доходы от творчества даже писателей первого десятка — я не имею сейчас в виду перво-

го десятка по продажам книг — весьма и весьма скромны.

— Однако Василий Аксенов отнесся к вам весьма великодушно, насколько я помню из книги...

— Да, он назвал меня «психотерапевтической писательницей» — знаете, когда приходишь домой уставший, с мигренью после тяжелого дня, и моя книга действует лучше таблеток от головной боли. Наверное, это потому, что мои книги очень нравятся жене Василия Павловича, и она рассказала об этом мужу (Смеется).

— Дарья Аркадьевна, о вас известно практически все — и журналисты постарались, и ваша автобиография «Записки безумной оптимистки», изданная дважды, разлетелась с прилавков в считанные дни. Чем же обусловлен столь острый интерес к вам журналистов, сохранившийся по сей день?

— А вот спросите — я сама удивляюсь. Честное слово — не знаю.

Мы уже подъезжали к Останкино, когда Дарья Аркадьевна вдруг решила, что ей необходимо переодеться — женская душа все-таки великая тайна. И она ловкими движениями стала делать это прямо тут же, в машине: откуда-то сзади достала еще один пакет, вытащила из него строгое пальто, поменяла ремень на брюках и переобулась из легких туфель в элегантные белые полусапожки. Так что порой и марафет ей приходится наводить на лету.

Переодеваясь, обратилась к своей помощнице: «Оль, пропуск там? А то была однажды со мной смешная история на телевидении... Ну как я могла не спросить, какая именно! Оказалось, что однажды, торопясь на очередную программу, уже возле пропускного пункта телецентра Дарья Аркадьевна поняла, что забыла пропуск. Бесполезно покопавшись в сумочке, решила воспользоваться последним средством — «медийным лицом». И обратилась к охраннику: «Ну, может, вы пропустите меня, вы же меня узнали?» Улыбаясь, охранник изрек: «Вообще-то не положено, конечно, но вас я пропущу — уж больно поете хорошо».

— И последнее: Дарья Аркадьевна, говорят, ваш автограф приносит удачу.

— Да, это так.

— Распишитесь для меня, пожалуйста.

Она полезла в очередной пакет и достала две своих новых книжки. И очень удивилась, когда для автографа я подала ей свою — точнее, ее автобиографию. Поэтому написала даже пожелание — опять же, от себя и мопсиков, окружающих ее на обложке. Почерк, между прочим, тот же, что в рукописи. Так что — сама пишет, точно!

Рита ДАВЛЕТШИНА.
Фото Евгения РУХМАЛЕВА.
Москва — Магнитогорск.